

тонкий знаток, холодный наблюдатель жизни российской деревни, добросовестный фиксатор происходивших в ней процессов, но не противник назревавшего окаянства, исполненный желанием излечить общественный недуг. Великолепный рисовальщик с натуры. Поэт — не врач, он только боль, струна и нерв?.. Страсть в душе Бунина забурлила, забила ключом лишь в тот момент, когда “дурман” и “окаянство” вырвались наружу и разнесли в клочья всё, что рисовал он в своей знаменитой “Деревне”...

Когда мы говорим о Бунине-публицисте, надо помнить, что он — помещик, аристократ, православный монархист, всей своей сутью тяготевший к старой дворянской культуре и устоявшемуся образу жизни. Этот достоверный исторический факт невозможно игнорировать. Бунин видел и описывал то, что хотел видеть, и не видел, не хотел видеть, знать и понимать то, что не отвечало его воззрениям. А временами просто не понимал, что не понимает. В том нет ничего необычного: человек — существо ограниченное. Бунин был человек... Человек со своей — Белой правдой. Ко всем другим правдам относился свысока, презрительно. Для него не было правды ни мужицкой, ни рабочей, ни “красной”, а были только Белая идея и Белая правда.

Но что есть Белая идея? Знаменитый русский религиозный философ Иван Александрович Ильин, высланный из России в 1922 г. за антиреволюционную деятельность, широко и внятно изложил эту идею в предисловии к сборнику “Белое Дело”, изданному в Берлине в 1926 г. Белая идея, по Ильину, это не “вооружённая контрреволюция”; не “реакция”, не “реставрация”; дело не “сословное”, не “классовое”, дело не “личное”, не “партийное”, не “имущественное”, не “мстительное”.

Белое Дело, утверждал Ильин, это Белый Дух, Белое Сердце, Белая Воля... “Белые никогда не защищали и не будут защищать ни сословного, ни классового, ни партийного дела: их дело — дело России — родины, дело русского государства. И самая белизна личной воли определяется именно этой способностью — жить интересами целого, бороться не за личный прибыль, а за публичное спасение, потопить и сословное, и классовое, и партийное дело — в патриотическом и государственном... мы свободны и от революционных, и от реакционных предрассудков; и то, чего мы желаем для России, это — исцеление и возрождение, здоровье и величие, а не возврат к тому недугующему состоянию, из которого выросла революция со всем её позором и унижением. <...> **Россия была духовно больна перед смутой; революция явилась, как обострение и развитие этой болезни**”.

Прекрасные слова!

Но! “Белые обороняют дело духа на земле, — продолжал Ильин, — и считают себя **правыми** перед лицом Божиим. Отсюда религиозный смысл их борьбы: она направлена против сатанинского начала и **несёт ему меч...**”.

Исследователи бунинского творчества пишут о Бунине как бесприкословном и последовательном стороннике Белой идеи и Белого движения¹⁶. “Белые”, по Бунину, — это те, “у которых всё отнято, поругано, изнасиловано, убито, — родина, родные колыбели и могилы, матери, отцы, сёстры...”¹⁷. Белые — это помещики, фабриканты, кровопийцы, пауки, угнетатели, деспоты, сатрапы, мещане, обскуранты, рыцари тьмы и насилия¹⁸. “Белые” — это Авель; “красные” — это Каин. В марте 1919 г. Бунин говорил: “...я чувствую, что я не должен быть писателем, а должен принимать участие в правительстве”, “...всё больше и больше думаю, чтобы поступить в армию добровольческую и вступить в правительство”¹⁹.

Абсолютно “своим” считали Бунина и в Белом стане. В августе 1920 г. П. Б. Струве от имени правительства Вооружённых сил Юга России пригласил Бунина в белый Крым: “...Мы решили, что такая сила, как Вы, гораздо нужнее сейчас здесь у нас на Юге, чем за границей”²⁰. Представьте: Бунин стал членом Правительства на Юге, куда его приглашал П. Струве с согласия Врангеля, — и что бы произошло в случае их победы? Бунин был барин, помещик-крепостник, православный монархист. Вот это и есть векторы его мыслей и действий: на барщину, мужички! Или — к стенке. В злобе нет исхода. Ненависть грозит, злоба мертвит, но не плодоносит.

В ноябре 1920 г. армия Врангеля была разбита... Бунин остался в Париже...

Бунин пытается представить дело так, будто его правда — особая, кристально чистая, дистиллированная, абсолютная. В 1919 г. он определил своё политическое кредо в таких словах: “Я не правый и не левый — я был, есмь и